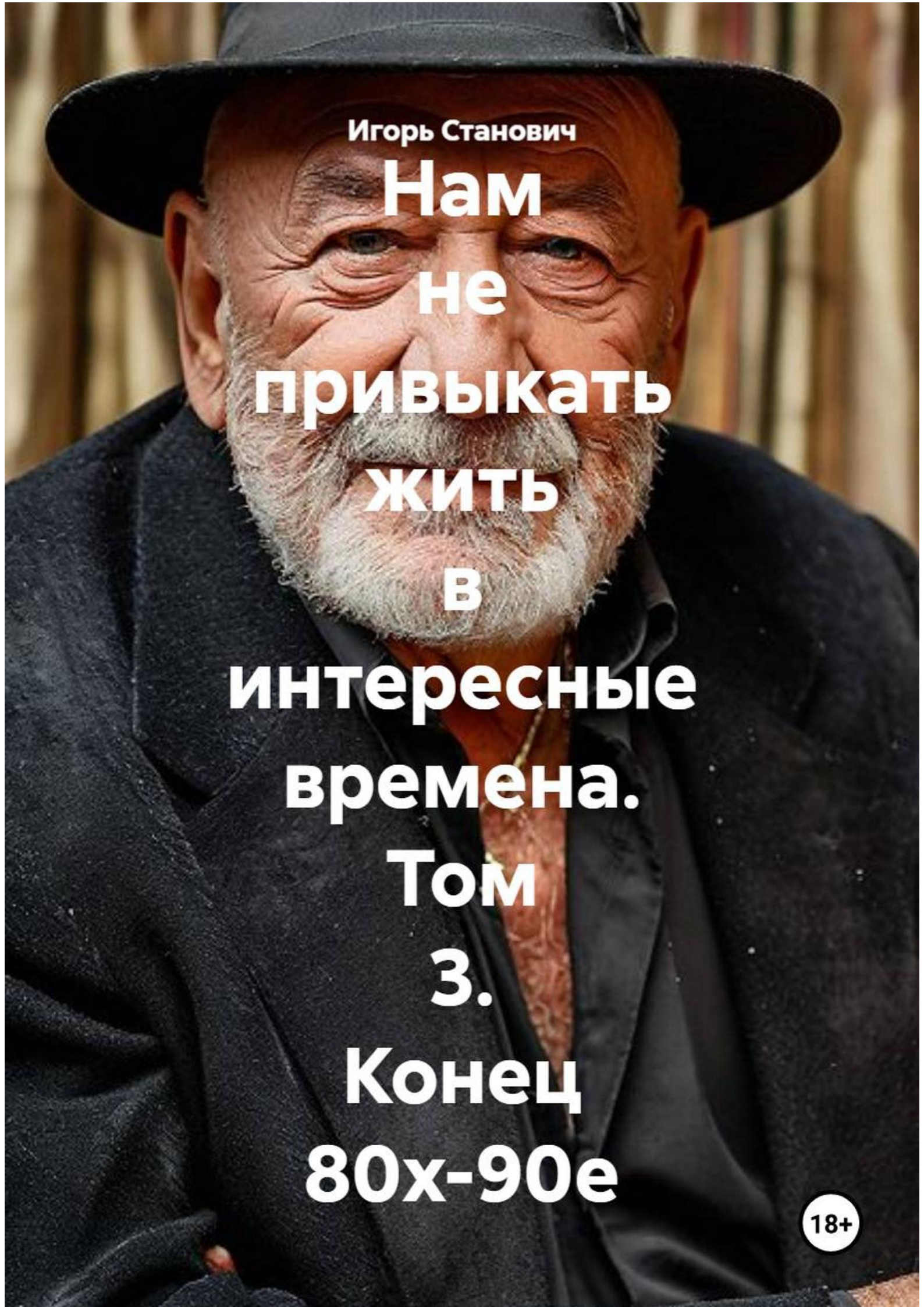

A close-up portrait of an elderly man with a white beard and mustache, wearing a dark hat and a dark jacket. He is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a blurred bookshelf.

Игорь Станович

**Нам
не
привыкать
жить
в
интересные
времена.
Том
3.
Конец
80х-90е**

18+

Мемуары, история, ностальгия

Игорь Станович

**Нам не привыкать жить
в интересные времена.
Том 3. Конец 80х-90е**

«Автор»

2026

Станович И.

Нам не привыкать жить в интересные времена. Том 3. Конец 80х-90е / И. Станович — «Автор», 2026 — (Мемуары, история, ностальгия)

Автор задумал многотомный труд с общим названием "XX век глазами очевидца". Автор рассказывает о своих первых шагах в шоубизнесе. Работе с Марком Рудинштейном, тогда ещё молодым и вечно голодным Иосифом Пригожиным, "Ласковым маем", "Комбинацией", Михаилом Жванецким, программами «Фокс против Шарапова». Создание кинофестиваля «Кинотавр». 8 лет жизни на одной лестничной площадке с Игорем Христенко. Посиделки в его квартире с Леоном Оганезовым, Еленой Образцовой, Леоном Измайловым и многими другими. Карточная система на некоторые продукты в Москве. Бандитские разборки, в которых автор принимал участие, как с той, так и с другой стороны. Дальнейшая проба себя в различных бизнесах. Работа в экономической службе нефтяной компании Лукойл советником по креативным вопросам. Обслуживание «больших пацанов» и их «мальчишники». Дни рождения топ менеджеров. И многое другое, что сейчас интересно будет вспомнить читателям возрастным, прожившим те времена. И молодым, интересующимся историей страны.

© Станович И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игорь Станович

Нам не привыкать жить в интересные времена. Том 3. Конец 80х-90е

Глава 1

Согласно закону РФ о не обнародовании чужих личных данных, имена некоторых персонажей этих мемуаров были мною изменены. А некоторым я оставил как раз только имена, а фамилии убрал, чтобы не было обид. Многие из героев ныне здравствуют и не все их поступки, и нынешние заявления являются положительными.

По прошествии многих лет скитания по всей Москве (а я подсчитал, что пожить удалось аж по восемнадцати адресам в нашем не дающем скучать городе), я вернулся в родное, можно сказать, Чертаново. Правда, уже не в южную его часть, где жил с родителями и первой женой. Наши дома называли Чертаново нулевое. Эти места были также весьма знакомы и облюбованы мною с детства. Я вообще люблю юг столицы и даже теперь не изменяю своим пристрастиям погулять по родным местам детства. Правда, уже не всё тут узнаваемо. А Балаклавский проспект и этот период (с конца 80-х по начало 21-го века) связан у меня, пожалуй, с одним из самых насыщенных событиями и знакомствами временем. Да и сам я был уже сформировавшийся, как мне тогда казалось, человек. Хотя сейчас, с высоты своего нынешнего возраста, то мировоззрение мне представляется детским и глупым. Однако мы были молоды, но уже приближались к тридцатнику.

Я не вспомню сейчас деталей, кажется, мать моей второй жены Маргариты стояла в очереди на получение квартиры или, как тогда говорили, улучшение жилищных условий. Комната в коммуналке на Делегатской, конечно, была ужасающим условием, которое и жилищным-то называть можно было только условно. Из всех благ цивилизации там имелся один кран с холодной водой на кухне и узенький туалет с унитазом, а также разведённый папа жены в одной из двух комнат, который постоянно делал гадости, типа засорял этот самый унитаз. Впрочем, в те недолгие месяцы, что мы проживали там с Риткой, он вёл себя сдержанно, но как только мы съехали на снятую квартиру, он снова начал чудить. Так он мстил своей жене за «напрасно прожитые» с ней годы. Тёщу поставили на очередь, однако сразу предложили вступить в кооператив и в течение нескольких месяцев приобрести однокомнатную квартиру в Чертаново, так как дом как раз сдавался в эксплуатацию. Я к тому времени уже получал вполне сносные деньги на ниве работы в ПТО «Сабурово». Числился начальником концертного отдела и заделывал концерты различным артистам и просто проходимцам типа «Ласковый май», «Мираж» и тому подобным. Так что денег на первый взнос я сумел наскрести. Дом наш построили на месте оврага между улицей Чертановская и Варшавским шоссе. С третьей стороны он ограничивался Балаклавским проспектом, на тот момент узенькой улочкой с пятиэтажками напротив оврага. В детстве это было наше любимое местечко, сюда мы приезжали на 222-ом или 28-ом автобусе или трамваях по Чертановской. Здесь у нас были сооружены шалаши и прочие секретники, которыми увлекались мальчишки и юноши в те годы. Но то было в середине 70-х. Летом на небольшом пруду мы построили плот и ловили с него рыбу. Тусовались (этого слова тогда ещё не ввели в оборот) с девчонками, баловались портвейном и пивом. С местными отношения были дружеские. Хоть наш район и относился к Чертаново, но располагался довольно далеко от этих мест, потому нам с ними делить было нечего. Обычно враждуют с соседями по району, по крайней мере, так было у нас: и драки район на район, и потом примирения с братаниями. Овраг завалили грунтом, который вынимали из туннелей строящейся серой ветки метро.

Протекавшую по дну оврага речку Чертановку спрятали в трубу, а также запрудили два больших водоёма, один возле Варшавки, второй через улицу Чертановская, ближе к лесу в Чертаново-Северном, которое только-только построили. По рассказам, там даже существовали двухэтажные квартиры, и снимался какой-то фильм с Табаковым в главной роли. Через несколько лет открыли станцию метро, грунт от выемки с неё и пошёл на засыпку оврага, где возвели дома. Наш имел форму буквы П и стоял среди таких же семнадцатиэтажных новостроек, но те имели форму букв Г. Квартира находилась на втором этаже в перекладине этой самой буквы, а вход в подъезд располагался со двора. Второй этаж — это удобно, так как не зависишь от исправности лифта, а с другой стороны, более шумно. К тому же рекомендовано было поставить на окна решётки, времена наступали мутные, перестройка и тому подобное. Шёл 1989 год.

Намотавшись по съёмным углам, мы с Маргаритой обрели, как говорится, своё гнёздышко. Денег на мебель сразу заработать не сложилось, но нам к подобным «тяготам и лишениям» было не привыкать. Спали на матрасике, брошенном на пол, ели на большом ящике, сидя на ящиках поменьше из-под молдавских яблок. Приспособили длинную палку поперёк комнаты, на которую вешали свою одежду.

От лифтов в тамбур, где находились квартиры, вела дверь, в которую мы врезали замок. И сразу почувствовали себя в полной безопасности, особенно когда вокруг стали появляться соседи. Справа поселилась семья с двумя детьми, однокомнатная слева так и осталась незаселённой, а в двушку въехала ещё одна семейка, с которой нас на многие годы связала крепкая дружба. Главу звали Игорь, жену Лена, а сына Егор. Фамилию папы упоминать не буду. А работал он артистом. Многие его запомнили по пародиям на Ельцина, Горбачёва, Брежнева, передачам «Куклы» и у Петросяна в его не самом интеллектуальном театре юмора. Также он работал у Леона Измайлова. Однако не все знают, что изначально Игорь служил в Московском академическом театре сатиры с Папановым и Мироновым, а после смерти Папанова озвучивал за него волка в последней серии «Ну, погоди!». Лена носила длинную фамилию, но для большей благозвучности убирала первый несколько букв. Так, и правда, фонетически звучало солиднее и даже по-дворянски. Лена была старше Игоря на 8 лет, но держала себя в форме. Она родилась в городе Иваново, но по причине своего творческого начала оставаться там и становиться ткачихой не захотела, поехала завоёвывать Москву и поступила в театральное училище имени Щепкина. Там они и познакомились с будущим мужем. Игорь вышел из театральной семьи, сам Бог ему велел продолжать династию. Родом он был из Волгограда. Отец пел в опере, а мама была балериной местного театра. Но, по словам Лены, всеми своими достижениями он обязан ей. Она, как старший товарищ и женщина пробивная, стала его проводником в мир столичной актёрской тусовки. Игорь - актёр, не обделённый талантом, но искать себя в том довольно хищном мире ему пришлось долго. Лена с гордостью рассказывала, что по окончании Щепки она устроила его в Театр сатиры (мужики, ведь, как дети), где он проработал 4 года, но не очень успешно. Я не буду тут пересказывать его биографию, мой рассказ несёт другую смысловую нагрузку, к тому же она в различных интерпретациях присутствует в интернете. Моя задача описать те годы, которые мне посчастливилось прожить рядом с этим нетривиальным человеком на одной лестничной клетке и истории, связанные с ним, его друзьями и знакомыми. А приключения нам выпали очень забавные.

С частью персонажей из его тусовки я был знаком прежде. Дело в том, что с середины 80-х годов я пытался продвинуть и раскрутить свою жену как певицу. У Риты действительно были данные. Она много и весьма затратно занималась у педагогов. Оттачивала свои способности, и вокальные, и артистические, брала недешёвые уроки актёрского мастерства у Маргариты Тереховой и не только у нее, а пением занималась в том числе и у Ларисы Долиной. Так как это съедало всё её время (и наши деньги) и на меня, как мужчину и добытчика, были возложены обязанности поиска тех самых материальных благ, то у меня и теплилась совершенно не альтруистическая надежда сделать её певицей и отбить вложения. А пока надо было

искать заработки на эти самые инвестиции (слово, вошедшее в обиход немного позже описываемых событий) и ещё на покушать. В те годы судьба сначала свела меня с Сергеем Лузаном, который организовал некую контору (тогда уже потихоньку стало расцветать частное предпринимательство). Он добыл и систематизировал список писателей-сатириков, где присутствовали их служебные и домашние телефоны. Это была невероятная драгоценность. Я какое-то время поработал на Сергея. Лузан был абсолютно вменяемым и адекватным человеком, по всей видимости совершенно не жадным. Думаю, он прекрасно понимал, что наше сотрудничество не вечное. Со временем я понял, что, имея такую базу данных, то есть прямой выход на исполнителей, совершенно не обязательно делиться с ним заработками от организованных мною программ. С писателями-сатириками я нашёл свою нишу в концертной деятельности. В те годы предприятия получали от профсоюзов деньги, которые следовало тратить на социальные и какие-то ещё нужды трудящихся. Соответственно, если в отчётный период средства эти не потратить, то на следующий их могут и не дать. Потому профсоюзы на предприятиях эти денежки, как говорится, осваивали. Один из методов освоения заключался в том, что в обеденный перерыв для сотрудников заказывался некий концерт или, как его можно было назвать, творческая встреча с какими-то примечательными людьми, типа писателей-сатириков, артистов разговорного жанра, поэтов, иллюзионистов и тому подобное. Я, как администратор и организатор, собирал такую «сборную солянку» и возил свою бригаду по различным предприятиям, с которыми удавалось договориться. Днями напролёт обзванивал различные конторы, заводы, фабрики и научно-исследовательские институты, предлагал им творческие услуги, объясняя, что на это у них уйдут профсоюзные деньги, они поставят галочку в своей работе, так как пригласили знаменитостей. В годы до изобретения интернета рекламироваться исполнителям было тяжело. Директора-администраторы были у единиц. Заинтересованность в работе существовала, так как уже отменили ответственность за левые концерты. Я составлял график наших выступлений «В рабочий полдень» и получалось заработать вполне приличные деньги. Расходы, как уже писал, были немаленькие в связи с попытками отточить мастерство моей супруги и раскрутить её певческую карьеру. У меня образовался круг, так сказать, любимых исполнителей, в который входили такие прекрасные и просто хорошие люди и писатели, как главный редактор отдела сатиры и юмора газеты «Московский комсомолец» Лев Новожёнов, его сотрудник на тот момент Лёня Краснер (у которого уже было, кажется, пятеро детей), тогда ещё мало известный и не заставляющий несчастных крутить барабан Леонид Аркадьевич Якубович, замечательный поэт Игорь Иртеньев, Аркадий Арканов (его я очень-очень любил), сотрудник «Литературной газеты» Владимир Робертович Волин. Робертыч был, пожалуй, самым возрастным исполнителем. Я относился к нему с огромным уважением и всячески старался сделать его гонорар побольше, чем у остальных. В этом присутствовал и шкурный интерес, так как он пообещал, что в будущем, когда соберётся на пенсию, передаст мне свой «волшебный чемоданчик». Возраст у него и так был пенсионный, но денежки зарабатывать ему всё ещё было не лень. В чемоданчике этом находились различные приколы типа афиши, которую в деревенском клубе нарисовал не совсем трезвый художник, объявляя о том, какой фильм будет показан в субботу в этом клубе. Например, в посёлок позвонили по телефону и сказали, что привезут фильм «По тонкому льду», а связь была плохая и директор клуба услышал – ПОТОМОК УМУЛЬДУ. Вот и появилось на свет название, анонсирующее киносагу о династии загадочных шаманов со звучной фамилией вместо поимки немецкого шпиона Дункеля. Или выпущенная какой-то уездной фабрикой расчёска. Креатив этого изделия заключался в том, что расчёска эта была совмещена с ложкой для надевания ботинок. Таких приколов у него было много и своё выступление он строил на их показе и рассказах, где и когда родился подобный шедевр. Выступления его были вполне интеллигентными и смешными, поэтому Робертыч был у меня основательно задействован, а номер его представлялся делом беспроектным. Я неоднократно бывал у него дома и знал его жену. Если не путаю,

то квартира располагалась в хрущёвке. И точно, что в районе Марьиной рощи. Однажды он позвал меня прогуляться после выступления «В рабочий полдень» по району и познакомил с Зиновием Гердтом, который тоже проживал где-то поблизости. Оказалось, они приятельствовали. Чемоданчик мне так и не достался. Вскоре я это направление забросил, так как решил расти и заниматься более серьёзными вещами. Когда я начинал работать с писателями-сатириками, оплата производилась по ставкам артистов разговорного жанра. Я сейчас точно не скажу, но мне помнится цифра типа 13 рублей с копейками. В зависимости от статуса, звания и прочих заслуг, артисту могли насчитывать несколько ставок. В моём случае мы взяли за основу эту систему, по ней я и отчитывался. Кого сильно любил, тем мог и две ставки заплатить, а то и три. Так как я тоже периодически выходил на сцену для того, чтобы объявить концерт, то и себя включал в смету ведущим. Естественно, себя не обижал. Я был первый, кому выплачивалось по несколько ставок. Со временем эти правила поменялись, ставки ушли в прошлое, исполнители стали назначать свой гонорар, а мы, организаторы, уже смотрели, брать ли такого исполнителя и стоит ли ему платить требуемое.

И конечно же, не могу не упомянуть про Михал Михалыча Жванецкого. С ним мне немного пришлось поработать, он уже тогда был нарасхват, однако организованный нашей конторой его концерт в Зелёном театре города Подольска, когда он последний раз брал 500 рублей за выступление, заслуживает отдельного рассказа. Дело даже не в его концерте, хочется явить миру некоторые детали, чтобы у читателя лучше сложилось впечатление о тех временах, как мы выкручивались и делали свою работу в буквальном смысле «на коленке». Точный год я сейчас затрудняюсь сказать, но примерно плюс-минус 1987. Что Михал Михалыч соберёт аншлаг, ни у кого сомнений не вызывало. Соответственно, и заработать на нём можно было довольно неплохо. Слово «райдер», тогда как-то не имело большого хождения, по крайней мере у нас в ПТО (производственно-творческое объединение) «Сабурово» оно ещё никому известно не было. Немного об этой конторе. Сабурово - это такой райончик по Каширскому шоссе, не доезжая Борисовских прудов. Там возвели МЖК, то есть молодёжный жилищный кооператив. А так как в стране случилась перестройка, гласность и тому подобное, то при таких жилых объединениях решили организовывать коммерческие предприятия, которые бы создавали рабочие места, помогали молодёжи найти своё место в жизни и прочая, и прочая, и прочая. На самом деле стареющие комсомольцы из районного комитета ВЛКСМ решили освоить государственные, читай - партийные деньги, и немного подзаработать, соответственно, используя то, что у них имелось в избытке, а именно административный ресурс. Для этих целей и было создано ПТО. Что там было производственного я не знаю, но концертную контору учредил и возглавил весьма предприимчивый человек, которого звали Володя Муров. Познакомился я с ним благодаря моей организационной работе с писателями. Но конкретики не помню. Мы, можно сказать, подружились, и он предложил мне поработать на него. Официально, с трудовой книжкой и большими перспективами. Под крышей этого объединения мы и начали неплохо зарабатывать. Сначала я так и возил своих сатириков, потом организовался целый концертный отдел, который я поначалу и возглавил. Далее подтянулись акулы шоу-бизнеса, такие, как Марк Рудинштейн. Я и с ним стал дружить и сотрудничать, если, конечно, подобные слова подходят к взаимоотношениям с этим человеком. Марк каким-то образом был связан с городом Подольском, потому Зелёный театр в местном парке имени Талалихина мы пользовали «и в хвост, и в гриву». Так вот, билеты на Жванецкого были раскуплены полностью, и славный подмосковный промышленный городок с нетерпением ожидал приезда гуру сатиры. Я в те годы ещё не обзавёлся своим автотранспортом, а потому решил воспользоваться услугами своего старого товарища, художника Пети Козьмина, а заодно и дать ему подзаработать, так как он в те годы довольно сильно нуждался. Эта напасть с ним случалась перманентно, художник всё-таки. Когда Пётр подъехал на своём «Жигуле» второй модели, я был немного шокирован его транспортным средством. Считалось, что человек, имеющий свою машину, обладал

инструментом по зарабатыванию денег, в каком бы состоянии она не была. Так вот, состояние Петиной колымаги оказалось удручающим. Он халтурил на ней, а так как она представляла из себя универсал, то чего он только на ней не перевозил! От пассажиров до холодильников и рассады на дачи. Но, естественно, перед столь ответственным делом, как доставка в Подмоскowie знаменитости, Петя её помыл, причём со всех сторон и даже изнутри, чего за ним прежде не водилось. Михал Михалыча мы посадили назад, рядом с ним села Валентина, наш бухгалтер и моя будущая жена, третья по счёту. Она могла бы не тащиться с нами в Подольск и возложить на меня выдачу Жванецкому гонорара. Но ей, естественно, хотелось пообщаться с великим писателем, и она также оказалась в нашей таратайке, да ещё непосредственно на одной сидухе с мастером. Я же сел на переднее пассажирское сиденье и понял, что мыть машину изнутри Пете не составило большого труда. Достаточно было плеснуть ведро воды и поскрести какой-нибудь щёткой, потом плеснуть ещё ведро, и все спокойно выливалось на землю. Дело в том, что в передней части машины пол прогнил до такой степени, что во время езды под ногами мелькал асфальт. Закрывать дырку резиновым ковриком было опасно, так как несведущий пассажир мог провалиться туда ногой. К тому же Пётр был человеком до феноменальности экономным, и в покупке коврика ему препятствовала «жаба». Крест-накрест на пол были уложены доски от ящика, а у водителя и их не предусматривалось. Зачем? Ведь ноги-то на педалях. Жванецкий также с интересом разглядывал наше средство передвижения, и даже с некоторым ехидным одобрением заметил, что мы очень ответственно отнеслись к подбору транспорта в столь жаркий летний день. Проблем с охлаждением точно не возникнет, ибо в автомобиле присутствует «рашн кондишн». Я первый и последний раз привлёк Петра, так как будь на месте Михал Михалыча кто-то другой, то мог бы и скандал произойти. Мне, естественно, перед ним было неудобно, и я показательно наехал на незадачливого художника, что надо предупреждать о состоянии его металлолома. На что Жванецкий ещё отпустил не одну шутку. Как раз он-то вообще не выразил никаких претензий, и всю дорогу до самой площадки мы просто ржали от его приколов. Это был последний концерт по такой смешной для него цене. Брать за выступление 500 рублей в его случае стало уже просто неприлично. Валя везла в сумочке банковскую упаковку синеньких пятирублёвок. Она стала передавать ему деньги ещё в машине с предложением пересчитать. Михал Михалыч достал из кармана связку ключей, брелок на которой оказалась маленькая столярная рулетка. Вытянул измерительную часть и приложил её к торцу пачки:

- Всё точненько, ровно 100 купюр, – сказал он и отправил пачку в карман пиджака, не нарушая банковской упаковочной ленты.

Такого количества анекдотов за один вечер я не слышал ни разу. Ещё до концерта мы обсмеялись так, что само выступление уже и не смотрели. Ведь это был не первый мой выезд с ним, и практически все его рассказы я слышал, но раньше в Москве он сам приезжал на площадку, и я не находился с ним столь долгое время в замкнутом пространстве, когда совершенно нечего делать и остаётся только смотреть по сторонам. Он отпускал шутки обо всём, что предстаёт взгляду. Мы угостили его бутербродом, в ответ услышали пару анекдотов про колбасу. Налили из термоса чаю, и также получили рассказ про этот напиток и китайцев, что его привезли в Россию. Короче, путешествие с ним из Москвы в Подольск запомнилось мне на всю жизнь.

Из дальних гастролей с артистами больше всего запомнилась поездка в Калининград с программой «Шарапов против Фокса». По названию уже понятен состав выступающих. Добавлю лишь то, что ведущим программы был Владимир Иванович Ухин, или, как его называла вся страна – дядя Володя Хрюшин папа. Он лет 30 вёл передачу «Спокойной ночи, малыши», где его партнёрами были куклы Хрюша, Степаша и Каркуша. Не любить Ухина было трудно, тем более, что я и сам рос на этой передаче, правда, уже будучи школьником, так как телевизор у нас появился годах в 73-74. Но моя младшая сестра воспитывалась на ней.

В западный анклав СССР мы отправлялись на поезде. Тогда артисты вели себя значительно скромнее, не требовали себе купе типа СВ и минеральную воду «Перье» для умывания утром. Но, естественно, таких заслуженных людей мы старались разместить с подобающим комфортом. И Ухин, и дядя Саша Белявский приехали заранее. Я и моя на тот момент начальница и наставник в мире концертного администрирования Ира Мамаева, тоже не опоздали. Шарапова не было. Поезд уже должен был трогаться. Ира была девушка габаритная и очень властная, как говорится, порешать проблемы она могла. Нас спасло то, что купе начальника поезда располагалось именно в нашем вагоне, а присутствие Белявского и Ухина придавало нашей компании огромный авторитет. Ира сумела договориться о задержке поезда. Естественно, во время разговора с начальником присутствовали наши звёзды. Мы объяснили, что если мы уедем без Шарапова, то славный город Калининград останется без концертной программы, за которую они уже заплатили, купив билеты. Артист был очень популярен в народе после своих ролей Павки Корчагина и Шарапова. Ира сказала, что он обязательно прибудет, только всегда опаздывает. Она не обманывала, затягивая время. Мы действительно всех контрольно обзвонили, и наши артисты выехали из дома на вокзал. Однако с действующим лицом программы произошло то, чего мы и боялись. Не секрет, что в те годы у него случился кризис, и артист стал выпивать. Да он и сам этого не скрывает, особенно сейчас, когда избавился от этой напасти. Так вот, по дороге Владимир Алексеевич заглянул в винный магазин к знакомому продавцу взять подогрева на дорожку. Тогда спиртные напитки приходилось доставать. И он достал, как говорится, по благу. То был портвейн «Сахра». Не дожидаясь, когда попадёт в купе, наш Павка Корчагин откупорил бутылочку, отпил из неё малость, потом ещё немного. Но опоздал он не сильно, минут на 5. Появился Шарапов с небольшим чемоданчиком и сумкой на плече. Из сумки торчала початая бутылка, заткнутая скомканной бумажкой. Мы быстро затолкали его в вагон и усадили за столик в купе. Поезд благополучно тронулся. Подошли проводницы и начальник, взять автографы. Одна из них спросила билеты. Тогда принято было, проходя в вагон, их предъявлять, а позже проводники собирали билетики и складывали в специальную папочку, соответственно занимаемому месту. В конце поездки они раздавали их пассажирам, чтобы те уже на своё усмотрение делали с ними, что хотели. Некоторые, как мы в данном случае, сдавали их в качестве отчёта в бухгалтерию. Наши билеты лежали уже на столе, а Шараповского не было. Он обыскал все карманы, залез в сумку, потом даже стал разбирать свой чемоданчик с костюмом и реквизитом. Портвейн тем временем он выставил на столик. Когда все карманы в присутствии проводницы и начальника были проверены, я заметил, что бутылка заткнута подозрительно напоминающей по цвету билет бумажкой, свёрнутой в плотный комок. Я вытянул импровизированную пробку из полупустой ёмкости и предъявил хозяйке вагона. Та расправила её и вложила в свою служебную папочку. Ну, немного помята и в пятнах, ничего артисты всё-таки. Артисты как дети, говаривал Олег Павлович Табаков, только сукины. Хорошо, что Шарапов предпочитал светлые вина красным или достать удалось лишь такое вино, этого я уже не помню. Поездка получилась весёлая и насыщенная. Герой наш ещё неоднократно чудил во время неё. Но, как я уже упоминал, «немного позора, зато обеспеченная старость». В данном случае не позор, а нервотрёпка, но отработали мы хорошо и денег, как тогда говорили, «подняли» неплохо. Я ещё неоднократно возил эту компанию, но уже не так далеко, помню, в Серпухове Шарапов тоже отличался. Ухина я приглашал и помимо этой программы, он был весьма универсальный ведущий и импровизировал на ходу. Ему достаточно было по телефону рассказать, кто участвует в концерте, и он отлично составлял текст. Мастер.

Негативным опытом обернулась и поездка в братский Узбекистан. Недалеко от столицы республики Ташкента есть небольшой и очень пыльный городок Алмалык. У Володи Мурова там жили какие-то родственники, они и предложили ему устроить концерты. Он в свою очередь возложил эту программу на меня. Я порылся в своих базах данных. На эти сроки из «паровозов», то есть тех, кто собирает кассу (мне это определение нравилось), свободной ока-

залась лишь Клара Новикова. Большого опыта общения с ней у меня не было, но тот, что имелся, оставлял вполне приятное впечатление. Я рванул на восток, чтобы там воочию убедиться в реальности подготовки гастролей, так сказать, «на местах», организовать трансфер звезды, проживание и доставку в местный дом культуры, где планировались выступления, продажу билетов. Что-то мне не очень нравилась вся эта затея с поездкой в Узбекистан, но начальник Володя жаждал деятельности и особенно денег. Что мне понравилось по прилёту в Ташкент, так это станция метро недалеко от аэропорта. Так как я был налегке, то и воспользовался подземкой, чтобы добраться до автостанции, откуда отправлялся в Алмалык небольшой ПАЗик. Упомянутый городок находился в полусотне километров от столицы и некогда славился своим металлургическим комбинатом. Вокруг располагались какие-то рудники. По всему городу лежал толстый слой пыли. Некогда градообразующий комбинат, похоже, переживал не лучшие свои времена. Процент русского населения был высокий, по крайней мере, люди славянской внешности встречались часто. Но разруха и депрессивность чувствовались во всём. Партнёры поселили меня в какой-то «убитой» однокомнатной квартире, на первом этаже заводской хрущобы. Настроение и моё, и людей вокруг было мрачноватое. Я сразу сообразил, что тащить сюда артистку последнее дело. В городе наличествовала какая-то гостишка. Я проверил её и понял, что селить сюда Клару нельзя. «Система коридорная» и туалет с душем на этаже в дальнем конце. Значит, если всё же поездка состоится, то селить артистку предпочтительнее в Ташкенте, а сюда возить на концерт и обратно. Несколько дней я оценивал обстановку и понял, что и клуб весьма неуютный, и кассу мы тут не сделаем. Местные Володины родственники были инженерами с того самого комбината. Они остались без работы и крутились как могли, чтобы прокормить свои семьи. А тут выяснилось, что у них в Москве двоюродный брат директор концертной организации, вот они и решили, что всё очень просто, и деньги сами приплывут им в руки при его помощи, а также Клары Новиковой. По моему опыту, здесь и на пару концертов зрителей не наберётся, а тащить сюда такого гастролёра из-за этого просто нерентабельно, да и сама она откажется от подобной поездки. Оставалось или заделывать дополнительные выступления в столице, или заряжать «чёс» по окрестностям. И то, и другое требовало времени, связей в узбекских концертных кругах и много-много работы. Ни одной из этих возможностей и ресурсов у нас не было и в помине. Ребята, не понимая в этом деле ничего, стали меня уговаривать, поить-кормить, готовя плов и подавая его вместе с чаем, налитым в заварочный чайник. На деле то оказался коньяк, причём очень хорошего качества. Когда я его оценил, мне принесли несколько бутылок с собой в Москву. Это был местный узбекский коньяк. Помню в названии слово кудук, то есть колодец. Остальное из памяти стёрлось. Как, впрочем, и две из трех презентованных мне бутылок, которые я с тоски употреблял вечерами в мутном городке Алмалык. Одну я героически сохранил, дабы показать в Москве образчик мусульманской алкогольной промышленности. В конце готовки плова Володин родственник насыпал из спичечного коробка какую-то зелень в казан. Плов был очень вкусный и его хотелось есть и есть, до дурноты, уже не лезло, но аппетит оставался зверским. Даже появилась мысль пойти потоптаться, а потом вернуться за стол и снова есть его и есть, запивая сорокаградусным напитком из чайничка. Однажды через много лет в Серебряном Бору один из хозяев «Русского радио» поведал мне, что кладут в плов для аппетита. Но упоминать не буду, ибо Роспотребнадзор может неправильно меня понять. Ещё запомнился плов, что готовили на улице. Специально обученный человек рано-рано утром выходил во двор и разводил костёр. На кирпичи вокруг ставил вместе с помощником огромный казан. В одиночку такой не свернёшь. Далее в течение нескольких часов шло таинство приготовления. Я даже тезисно конспектировал процесс. Часам к девяти утра во двор начинал подтягиваться народ, в основном со своими мисками. У кого мисок не было, получал порцию в казённую. Поев, человек сдавал миску помощнику, и тот споласкивал её, зачерпывая воду натруженной рукой из ведра, накрытого выдавшей виды тряпкой. Я представил себе реакцию Клары, увидь

она эту сцену, и утвердился в мысли, что не стоит её сюда привозить. Стоил такой завтрак как-то совсем гуманно. Цену не вспомню, но она была довольно смешной для столичного жителя. Этот плов несколько отличался от того, которым меня угощали в индивидуальном порядке. Я сделал предположение, что это по причине отсутствия добавки специальной зелёной «специи» из спичечного коробка. Закончился мой вояж в Узбекистан тем, что я дозвонился в Москву своему начальнику и категорически отговорил его от гастролей Клары Борисовны. Лучше уж заплатить артистке неустойку и не портить своё реноме, дабы сохранить с ней хорошие отношения. Она отнеслась к отмене даже с радостью. Видимо, опыт предыдущих поездок в солнечный край ей что-то подсказывал. Директор Новиковой даже отказался от штрафных денег во имя нашего сотрудничества. Обратного билета на самолёт у меня не было, в кассах их на ближайшую неделю тоже не предвиделось. Пришлось добираться на поезде. Это заняло трое суток. Тащиться столько времени в душном плацкартном вагоне насухую было грустно. Настроение после такого облома не отличалось оптимизмом. Я решил разжиться чем-нибудь бодрящим, но это в Ташкенте тех лет оказалось проблематичным. В стоячем кафе вокзала нелёгкая дёрнула меня разговориться с соседом по столику. Им оказался туркмен весьма загорелого вида. Сдуру я поинтересовался у него, где можно купить пару бутылок водки в дорогу. Он с радостью взялся мне помочь, только оказалось, что во времена антиалкогольной компании цена на бутылку поднялась аж до 25 рублей, а приобрести можно было прямо в этой забегаловке из-под полы. Дают не всем, боятся, только проверенным знакомым, коим он на моё счастье и является для буфетчицы. Я дал ему последние 50 рублей. Мне оставалась мелочь на метро в Москве и четыре чебурека на закуску. Туркмен пошёл на кухню заведения к своей знакомой, а я остался ждать его у столика. Ждал я довольно долго. Наконец меня посетила мысль, которую я усердно гнал от себя во время ожидания, но она всё больше укреплялась в моём сознании. Тогда я решил войти в ту дверь на кухню, за которой скрылся мой среднеазиатский знакомец. Оказалось, что она вела в небольшой предбанник перед цехом готовки еды, а сбоку находилась ещё одна на улицу, где как раз в это время разгружалась машина с продуктами. В общем, остался я без водки, денег, и с весьма ограниченным рационом питания на всю предстоящую поездку. Теперь не хватало ещё опоздать на поезд и идти бомжевать, подносить чемоданы пассажиров в ту компанию, что я видел возле скопища таксистов. Хорошо, что бутылку коньяка сумел уберечь. Она внушала хоть какой-то энтузиазм и согревала душу перед долгой дорогой.

Когда я привлекал Арканова, в комплекте с ним несколько раз выступал Левон Оганезов, с которым мы позже неоднократно сживали за столом у соседа-артиста Гоши. И с ним также связано много интересного. Выступали мы не только в «Рабочий полдень» на предприятиях и научно-исследовательских конторах, бывали творческие вечера и по различным ведомственным клубам, от МВД до Звёздного городка. Несколько раз выезжали в дома отдыха Подмосковья. Однажды поступил заказ из санатория ЦК КПСС, где лечились ветераны партии. Это было большое и ответственное мероприятие. На нём я чуть не погорел, упустив тот момент, какой контингент окажется в слушателях. Вернее, мне не сообщили, что концертная программа приурочена к ужину, а слушатели будут по большей части со слуховыми аппаратами и в сопровождении помощников, которые под руки доводили не очень уже адекватных, но заслуженных людей до места принятия пищи. У каждого столика был свой обслуживающий персонал. Большинство артистов и писателей терпеть не могут «кривляться» перед жующими людьми, например, директор группы «Любэ» всегда оговаривал этот момент, и они никогда не выступали в застольном варианте. В цековском санатории в углу обеденного зала возвышалась совсем крохотная эстрада, с которой моим исполнителям и вверено было вещать. Платили хорошо, потому я взял своих постоянных и любимых, в том числе Лёву Новоженова, Робертыча Волина, Игоря Иртеньева. Именно в этом и состоял мой косяк. Особенно когда «божие одуванчики», пытаясь зачерпнуть из креманки жульен, внимали не самым простым для восприятия стихам авангардного поэта. Но закончилось всё неплохо, нас покормили цековским пайком, что по

тем временам казалось божественной щедростью. Нам даже налили какую-то импортную алкогольную жидкость. Сотрудники сами поняли, что в таких случаях надо предупреждать о контингенте и даже извинились. Мы обмыли гонорар и завершили вечер коронным и актуальным лозунгом: «15 минут позора, зато обеспеченная старость».

Как-то Сергей Лузан позвонил мне домой и сказал, что в Россию приехал писатель Войнович. И не хотел бы я поддиректорствовать у него? Естественно, я ухватился за эту идею. Я и раньше, когда он был запрещён в СССР, доставал его самиздатовские книжки, размноженные на печатной машинке. Помнится, «Приключения солдата Ивана Чонкина» и «Шапку» втихую передавали друг другу, чуть ли ещё не в школе. Тогда за чтение подобных книг могли и срок дать, и московской прописки лишить. Мы встретились с Владимиром Николаевичем в ресторане дома журналистов. Тогда попасть в него можно было лишь по пропуску, который у меня имелся благодаря Льву Новожёнову. Мы там периодически отмечали некоторые события и даты. Опального писателя атаковали старые и вновь обретенные знакомые. Поговорить предметно нам не дали, но мы сговорились, что я возьму на себя организацию его встреч с изголодавшимися по творчеству мэтра читателями. Опыта в этом вопросе у меня накопилось хоть отбавляй, с одной поправкой, что такую глыбу не покатаешь по заводам и НИИ по программе «в рабочий полдень». Но, как говорится, не Боги горшки обжигают. Я обратился за помощью к своим писателям-сатирикам: дать совет, где лучше проводить творческие встречи писателя. И мы начали с «Литературной газеты», так как мой любимый Владимир Робертович Волин именно в ней и служил. У них был неплохой конференц-зал. Там, естественно, мы денег не брали, так как использовали площадку в рекламных целях, но со временем стали и билеты продавать в дружественных мне клубах. Однако зарабатывать большие деньги с Войновичем цели не было, я им занимался «из любви к искусству», вернее, из уважения к любимому писателю. Он в те годы ещё не вернул своё российское гражданство. Советского-то был лишён. Периодически мотался в Германию, улаживать дела там. Потом решались бюрократические моменты, так что стабильности в нашем общении не было, а мне надо было зарабатывать деньги. Примерно по такой же схеме я сотрудничал и с Юнной Пенхусовой Мориц. Что интересно, я тогда её воспринимал, как детского поэта. Скорее, даже как человека из КСПешной (КСП - это конкурс самодеятельной песни) тусовки, то есть бардовской. «Ежик резиновый шёл и посвистывал» и тому подобное. Всё у меня поменялось, когда в наше время я почитал её современные стихи про СВО в защиту Донбасса. Уважаю и люблю. И очень трогательно вспоминаю о тех нескольких творческих встречах, что я организовывал для неё в далёкие девяностые.

Вообще, мои взаимоотношения с исполнителями, которых я задействовал в программах, в корне отличались от мира той самой попсы, в который я попал позже. Если мне какой-нибудь писатель не пришёлся по душе, я его просто вычёркивал из своего списка. Да, я, естественно, был заинтересован в заработке денег, но в эстраде «рубить капусту» было главным принципом, а я всё же склонялся к приятельским взаимоотношениям и стремился (как мне казалось) к творчеству. Организаторы эстрадных концертов больше общались с директорами коллективов и солистов, а мы напрямую с авторами. Да, и в нашей среде кассовых исполнителей тоже называли «обезьянами», а второстепенных «прицепами», это общепринятая в той сфере терминология, но в большом шоу-бизнесе всё было гораздо грязнее, что ли. Какие только клички не прилипали к артистам, некоторые даже неприлично упоминать. А уж как переделывали слова из популярных песен, чтобы полить помоями певцов. Например, когда Катя Лель спела свою программную песню про джагу-джагу, тут же в среде администраторов появился прикол. Катю называли «Джагой» и добавляли: «советы молодым, как стать звездой: попробуй в рот, рот, попробуй в джагу-джагу». Естественно, это больше относилось к девичьим коллективам и солисткам потом, правда, и на мужской пол перекинулось.

Сосед мой артист Игорь был рыбаком, как говорится, «на всю голову». У меня складывалось впечатление, что всё своё свободное от работы и приёма гостей время он проводит

на рыбалке. В общем-то, так оно и было. В холодильнике любимая жена Лена выделила ему отдельную полку для опарыша и мотыля, который он закупал впрок. Эта живность периодически расплзлась и, бывало, не только по своей полочке. Супруга стойчески всё это переносила, периодически жалуясь, иногда прося меня помочь ей собрать обратно в коробочку червячков, ибо сама брезговала. Но деваться ей всё равно было некуда. Когда глава семьи уезжал на гастроли, то кроме сценических костюмов он тащил с собой огромный баул со снастями и прочими рыболовными приамбасами. Ловил рыбу он везде, куда закидывала его нелёгкая актёрская судьба, лишь бы в этой местности был водоём. И что интересно, не только ловил, но ещё ему удавалось и поймать! Однажды, приехав на гастроли (происходило это в одном из закрытых городков на Урале, куда Игорь и другие артисты прибыли с концертной программой), сразу с дороги он по привычке нашёл водоём и отправился на рыбалку. Городок был, как принято у таких населённых пунктов, небольшой, обнесённый восемью кольцами колючей проволоки и прочими препятствиями. Въехать туда можно было со специальными пропусками и разрешениями. Чем занимались его жители - тщательно скрывалось, но всем было ясно, что связана их деятельность была с оборонкой и ядерными исследованиями, возможно, хранением отходов ядерного производства или ещё какой-то подобной штуки. Посередине располагался небольшой, правильной круглой формы пруд, который и приглядел наш юморист. Когда он пришёл на окаймлённый гранитом берег и закинул удочку, прохожие стали ему объяснять, что тут рыбы нет. И это не совсем чтобы пруд, а скорее, затопленная шахта, и она очень глубокая, даже лески может на удочке не хватить достать до дна этой шахты. Во время дискуссии с местным населением случилась поклёвка, и Игорь вытащил из пруда рыбу. Скорее всего это был ёрш, вернее, ёршеобразный мутант. Тут к рыбаку подъехала чёрная «Волга», и вышедшие люди попросили закончить рыбалку, а улов изъяли и поместили в банку с водой. Самого артиста также посадили в машину и отвезли в гостиницу с просьбой больше не волновать окружающих, а рыбку забрали на исследование, ну, или делать чучело в городской музей. Эту историю я пересказываю со слов Игоря, а так как он всё же артист, то за полную её достоверность не ручаюсь и подозреваю, что в ней присутствует художественный домysel.

Сосед к тому же был отменным поваром. Причём готовил он с любовью, чувством и расстановкой. Не только свой улов, хотя его, как раз, по большей части. У меня вообще сложилось ощущение, что это была его домашняя обязанность и не помню, готовила ли вообще Лена. А так как гости собирались чуть ли не каждый день, то и у плиты он проводил немалую часть суток.

Двери в наши квартиры не закрывались на замок в дневное время, а порой и ночью об этом забывали. Мы только запирали вход в общий тамбур, и если нужно было попросить соли или хлебушка, просто стучались, чтобы оповестить хозяев и открывали самостоятельно.

Ещё Игорь любил растения в горшках. Их у него было немного, они умещались на двух подоконниках. Какие-то экзотические в основном. Когда он уезжал на «чёс», Лена забывала их поливать, и они засыхали. Тогда он относил их ко мне на реанимацию. Почему-то цветы в моём доме околёмывались и снова нормально себя чувствовали до следующего его отъезда. Со временем он стал действовать на опережение и заранее их относил ко мне.

Дом наш по причинам того, что являлся кооперативным, был не самым простым по составу жителей его. Кроме нас с семьёй артиста, в нём проживали и другие достойные люди (шутка), художники, поэты и коллеги Игоря по артистическому цеху в том числе. Сейчас уже многие моменты подстёрлись в памяти. В соседнем подъезде, например, обитала очень интеллигентная семья. Я запомнил, что папа был доктором. Про маму точно не вспомню, кажется, юрист. У них была приятная и воспитанная дочка-школьница. Она очень любила животных, и когда мы выходили гулять с собакой, просила предоставить ей возможность пройтись с нашей колли на пруд. Мы, естественно, пользовались возможностью сделать девочке приятно и самим схалявничать для общего блага. Иногда она брала в компанию бассет-хаунда одинокой соседки

Светы, женщины энергичной и предприимчивой. Семейная жизнь у той не сложилась, так как мужчина её умер от панкреатита. Детей завести уже было поздно, и всю свою любовь она выплеснула на «отмороженного» четвероногого питомца. Мы нередко заходили к ней в гости посидеть за бутылочкой вина. Она была женщиной обеспеченной и гостеприимной. Смотреть, как хозяйка балует пёсика, было тяжело, но мы со временем привыкли. С совершенно тупым выражением морды он мог залезть сначала на стул, а с него на стол. Света его не прогоняла. Он мог начать жрать из её тарелки на столе, при этом вонюче пукая, что только умиляло хозяйку. Периодически она покупала ему банку чёрной икры, объясняя это тем, что ему не хватает омеги в рационе. С перемазанной икрой мордой и пуская слюни, бассет забирался на её кровать и преспокойно там засыпал. Самое сложное во время прогулки было удержать это наглое существо от пожирания чего-нибудь, найденного на дороге или помойке. Бассет - собака сильная, особенно вскормленная чёрной икрой. Контролировать этого кобеля на поводке даже самой Свете было не под силу, чего уж говорить про 13-летнюю девочку. Однажды это чудовище нашло пакет с какими-то вкусными отходами и употребило его прямо вместе с полиэтиленом. На следующий день, как раз, когда Оля пошла исполнять возложенную на себя обязанность по выгулу наших собачек, этот пакет наконец-то стал выходить из организма бассета. Зрелище предстало не сильно эстетическое, так как он вырвал поводок из девичьих ручек и начал бегать по детской площадке, пытаясь избавиться от волочащегося за ним полиэтиленового пакета. Не все находящиеся во дворе с пониманием отнеслись к панике животного, но закончилось всё более-менее благополучно. Я сумел наступить на длинный полиэтилен и с некоторым усилием пёс освободился от напасти.

Девочка Оля подросла, где-то училась и музыке, и актёрскому искусству, снялась в кино и, кажется, не в одном. А потом запела, и примерно в середине 90-х стала выступать в группе «Блестящие». Российская поп-сцена узнала её под именем Ольга Орлова.

Ещё из жильцов нашего дома мне запомнилась семья художников. Не вспомню, как звали родителей. Папа, как полагается настоящему живописцу, носил длинные волосы, покрытые береткой. Этакая классика. Мама выглядела менее колоритно, а дочку звали Валерия. Я её хорошо запомнил, так как она тоже фанатела на собак и подменяла на прогулке Олю, а может, у них была очерёдность. Я развёлся с Маргаритой и женился на Валентине, с которой работал вместе в ПТО «Сабурово», под руководством Марка Рудинштейна. Про Марка будет ещё отдельный рассказ, он заслуживает его, скажу лишь, что при нашем первом знакомстве он ещё был Марк Григорьевич Глазков. Фамилии у него периодически менялись, потому что он брал их у своих жён, пытаясь таким образом обойти пятый пункт, в те времена не всегда было выгодно представляться евреем. Но после перестройки он окончательно вернулся к корням и стал абсолютный Рудинштейн. Мы переехали в другой подъезд этого же дома, оставив квартиру рядом с Игорем Маргарите, что не мешало нам с ним ежедневно пересекаться. Каким образом получилось приобрести новую, это история отдельная, я её позже расскажу. Потом в разгар 90-х в нашем доме поселился какой-то очень серьёзный бандит. На него охотились киллеры, поэтому он всегда был осторожен. В подъезд и лифт заходил только с телохранителем или вместе со знакомыми жильцами. Я ни разу с ним не пересекался, но потом слышал много слухов относительно него. Говорили, что он таким образом прикрывался простыми людьми и рассчитывал, что при свидетелях его не тронут. И вот однажды он дождался компаньонов, с кем ехать в лифте. Сам в тот день был по какой-то причине без охраны. Попутчиками оказались эти самые художники, родители Валерии. А киллеры зашли через наш подъезд и по чердаку перешли в соседний, где и обитал этот персонаж. Художники жили выше, но когда дверь лифта открылась на этаже бандита, то убийцы расстреляли всех, находящихся в лифте, из автомата. Мы сидели дома и ничего не знали, но вдруг к нам в дверь позвонили оперативники. Они стали расспрашивать, не слышали ли мы чего у себя над головой (наша квартира была уже на 17 этаже под чердаком). Так как подъезд находился с другой стороны дома, не внутри буквы П, как

все остальные, то получается, что убийцы очень грамотно разработали операцию. Со стороны нашего подъезда оставили машину, сделали своё дело и благополучно скрылись с места преступления тем же путём, что и пришли. Мы, естественно, вышли посмотреть, так как оперативники сказали лишь, что совершено тяжкое преступление, но не объяснили, какое. Во дворе дома оказалось множество машин спецслужб, скорые, довольно большая толпа народа, целый генерал МВД, телевидение с камерами и осветительными приборами. Семья артиста Игоря в это время находилась в Лондоне, у своих знакомых. Потом они рассказывали, что смотрели новости по телеку и сначала увидели на экране меня с женой, и лишь после этого внимательно вслушались в речь диктора. Вот так мы попали и на экраны английского телевидения.

Если уж касаться темы 90-х и того разгула преступности, что творился вокруг, расскажу ещё одну историю и на том закруглюсь, перейдя к вещам более позитивным и жизнеутверждающим.

Однажды познакомился с соседом с 8 этажа по имени Эдик. У него была симпатичная жена, как звали, не помню, и годовалый ребёнок. Эдик занимался автомобилями, купил-продай. Мы периодически собирались то у них на квартире, то у нас. Выпивали, прикалывались как-то по-соседски, но не сильно сближались. Что-то настораживающее было в главе этой семьи. И взгляд недобрый, что ли. Какие-то мутные личности тёрлись вокруг. Его вечные презентации бэушных автомобилей на продажу. А мой «Опель», который я описывал в первом томе воспоминаний, рассказывая, как мы ездили на пивзавод «Хамовники» отовариваться и возили туда пустые бутылки, потому что иначе нельзя было получить полные, и когда нас на иномарке приняли за бандитов, уже показался мне старым. Со временем Эдик каким-то образом сумел развести меня на покупку у него «Форда Сьерра». Вот если бы Эдик сейчас был «при делах», скорее всего работал бы телефонным мошенником. Талант у него, что ли, был или гипнотические способности? В общем, я повёлся, сработало, что «Опель» на тот момент было 12 лет. Он выцыганил у меня задаток в 1000 долларов, объясняя это тем, что задолжал денег своему другу ещё по детскому саду, тёзке, тоже Эдику. Но далее, чтобы не путаться, я так и буду его называть – тёзка. С тем Эдиком, который тёзка нашего соседа, я тоже познакомился, и также он мне показался каким-то мутным хитроvanом. Но не мой же друг и мне с ним детей не крестить. У него тоже была семья и жена из того же детского сада, как у нашего Эдика, и ребёнок примерно того же возраста. Наш Эдик ещё немного поканючил, выпрашивая у меня денег, рассказывая, что у него сложное финансовое положение и даже на памперсы ребёнку не хватает, а несколько машин зависло, и скоро он их все продаст, снизив цену, и тогда будет богатым, со всеми расплатится. А мой «Форд» в порядке, он проходит таможенную и завтра или послезавтра будет подогнан к подъезду. Пришлось выдать ещё некоторую сумму на те самые памперсы, а про остальные деньги напомнить «но стулья вперёд». Он ответил, что мы ведь с ним друзья и соседи, и он мне абсолютно доверяет. Вечером действительно пригнал машину и отдал ключи. Я остался ему должен совсем небольшую сумму, порядка трёх сотен американских уёв, так как у меня их просто не было дома. На том и расстались, он погнал по своим делам, возможно, покупать памперсы, а я стал обследовать свой новый автомобиль. В багажнике нашёлся ещё один комплект номеров, а в бардачке дополнительный техпаспорт на «Форд Сьерра» с этими же номерными знаками. То, что на машину оказалось два комплекта документов и номеров, меня не сильно расстроило, но слегка насторожило. Хотя и плюсы в этом проглядывались. Чего-нибудь натворю на этой машине, поменяю номера и буду ездить по новым документам. В те годы можно было и не с таким столкнуться при покупке автомобиля, пригнанного из Германии, особенно, если это делалось ещё и через Польшу. Пока я возился с «фордом», подъехал тёзка со своей женой. Он с нескрываемым упреком обратился ко мне, спросив, когда я, наконец, расплачусь за машину? Я сказал, что завтра к вечеру деньги будут у меня, я и отдам Эдику оставшиеся 300 долларов. Мне стало интересно, а он-то почему так переживает за друга. Тёзка немного прифигел,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.